

ПЕСНЬ
ПРИЗРАЧНОГО
ЛЕСА

ЭРИКА УОТЕРС

**LIKE
BOOK**

Москва
2022

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
У65

Erica Waters
GHOST WOOD SONG

Copyright © 2020 by Erica Waters
Публикуется с разрешения автора и ее литературных агентов,
Triada US Literary Agency (США) при содействии
Агентства Александра Корженевского (Россия).

Перевод с английского *А. Анастасьева*

Художественное оформление *Ю. Девятовой*

В коллаже на обложке использованы иллюстрации:
© Amanda Carden, andreiu88, Leigh Prather, ARTYuSTUDIO,
Ketut Agus Suardika / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Уотерс, Эрика.

У65 Песнь призрачного леса / Эрика Уотерс ; [перевод с английского А. Анастасьева]. Москва : Эксмо, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-04-157358-4

Шестнадцатилетняя Шейди Гроув привыкла, что призраки следуют за ней по пятам. Девушка может призывать их при помощи звуков скрипки. Этот необыкновенный дар, как и любовь к музыке, достался ей от отца, который трагически погиб четыре года назад.

Когда старшего брата Шейди обвиняют в убийстве отчима, она не может оставаться в стороне. Чтобы доказать его невиновность, Шейди нужно найти утерянную скрипку отца и заставить мертвых говорить. Но иногда правда может оказаться страшнее любого призрака.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© А. Анастасьев, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-157358-4

*Посвящается
моей сестре Мелинде*

ГЛАВА

1

Сегодня мне нет покоя — как и призракам. От шороха и вздохов листвы деревьев — мурашки по голове, обострилось восприятие. Я чувствую что-то в паузах между музыкальными звуками, которые мы извлекаем из нот, — словно вибрацию, слишком низкую для человеческого слуха. Она уже много недель стоит тут, в лесу, просто я не могу ее разобрать, уловить. Она от меня ускользает.

А остальные ничего не замечают. Сара низко склонилась над своим банджо, темные волосы упали на лоб, губы сосредоточенно сжаты. Музыка льется из-под ее пальцев — яркая, как солнечный свет, скользящий по сосновым иголкам. В этом сиянии очертания Сариного силуэта мягки, а ресницы — пушисты, словно крылышки мотылька.

Роща за ее спиной пронизана золотом далеко-далеко, до самого края маминых владений, а там уж начинается стена настоящего Леса. Там уже свет не властен, он уступает место теням. Там деревья высоки и растут очень тесно, да вдобавок их увивают плющи, а снизу — заросли ежевики. Именно там любят собираться привидения, когда выбирают погулять из дома тети Ины. Именно оттуда доносит ветер их тихий шепот. Вот и

сейчас. Слов я не разбираю, но звуки манят меня, отвлекают от музыки.

— О господи, Шейди. — Голос Сары разрубает песню, словно ударом мачете (Орладно одним хлопком по гитарным струнам обрывает только что взятый аккорд). — Опять не вступила когда надо. Почему ты пропустила момент?

Мотыльковая мягкость мгновенно исчезает.

— Прости. — У меня на коленях — дешевая самодельная скрипочка. Я опускаю на нее взгляд. — Мне почти нечего исполнять в этой песне.

Из обтрепанного подола моей юбки вылезла нитка. Я тяну ее и наматываю на палец.

Уже второй раз я забыла вступить где надо. Я сегодня рассеянная. Но, если честно, это потому, что песня меня не вдохновляет. Я хочу научиться играть блюграсс¹ — как папа, чтоб музыка лилась свободным дыханием, а ритм отбивало сердце. Но если Сара и дальше будет подбирать песни исключительно из фолк-рока, я никогда не научусь.

Она нетерпеливым движением откидывает назад короткие растрепанные волосы, показывая модно коротко подстриженные волосы над ухом и родимое пятно в форме облака за ним. Сколько же раз я представляла себе, как пробегаю по нему губами...

— Шейди, «Открытые микрофоны»² — уже через неделю. Если тебе не нравится, можем сыграть там что-нибудь другое, но если не выберем песню уже сегодня, отрепетировать не успеем. — В голосе Сары —

¹ От *англ.* Bluegrass — «мятлик». Жанр музыки кантри с элементами джаза и блюза.

² Конкурс в особом формате, где каждый из присутствующих в зале может выйти на сцену и принять участие со своей композицией.

резкие, раздраженные нотки. Словно ее заставляют выполнять задание в паре с нерадивым одноклассником. — Ты ведь знаешь, мне позарез надо выиграть этот конкурс.

— Прости, — снова извиняюсь я уже громче и берусь за гриф скрипки, демонстрируя полное внимание. Виновата тут только я, но раздражение в голосе Сары заставляet меня уставиться на нее в ответ. Все мысли о губах и облачках испарились. — Ты же знаешь, я тоже хочу победить.

Главный приз — бесплатные полдня в небольшой студии, и можно будет записать одну песню на качественной аппаратуре и с настоящими профессионалами. Здорово, что и говорить, но важнее для меня — чувства Сары. Хочу, чтобы она порадовалась. Хочу видеть счастье в ее глазах. Она считает, все это поможет ей поступить в хорошую музыкальную школу.

Однако пока мы даже не можем решить, что сыграть на вечере «Открытых микрофонов». Саре нравятся новейшие, как можно более популярные фолк-роковые композиции, Орландо перелетает с цветка на цветок музыкальных пристрастий с легкостью и беспечностью бабочки, а я по-настоящему раскрываюсь, только когда мы играем традиционный фолк и блюграсс. Мы будто остатки от трех разных блюд, из которых кто-то пытается сделать запеканку.

— Можно попробовать «Вэгон-Вил»¹. Там сильная партия для скрипки, — предлагает Сара.

— «Вэгон-Вил»? — От удивления я даже вздрагиваю. Последний раз мы играли эту песню с Сарой вдвоем, одни, у нее в комнате. Причем едва успели начать — и минуты не прошло, — как наши губы оказа-

¹ Wagon Wheel — популярная песня Боба Дилана и Кетча Секора.

лись в сантиметре друг от друга. Поцелуя не случилось — она успела отстраниться, но с того дня все для нас и между нами изменилось. Мы никогда об этом не разговаривали, но, может, теперь Сара решила мне... напомнить, подтолкнуть меня, дать мне возможность открыться?

Она смущена. Лицо сразу заливает густой румянец. Нет, она не хотела намекать на тот *недопоцелуй*.

— «Вэгон-Вил» — это уже немного заезжено. — Я отвожу взгляд.

— Зато народ всегда в восторге, как ни сыграй, — возражает Орландо.

Он не обратил внимания на то, что между нами только что пробежало. Лежит себе, растянувшись на животе, очки в проволочной оправе сползли на кончик носа, который, в свою очередь, завис сантиметрах в восьми, не выше, над копошащимся месивом из мокриц, собранных под соседним камнем. Репетировать в лесу с Орландо всегда чревато — то он за кузничиком куда-нибудь упрыгает, то над муравейником на час-другой зависнет. Эти его манеры рассеяннo-увлеченного натуралиста Сару злят, но нельзя же заставить человека разлюбить то, чем он увлечен. А Орландо увлечен насекомыми.

— Есть еще идеи? — вопрошает Сара.

— Я уже давно разучиваю «Балладу о двух сестрах»¹. Орландо она тоже нравится.

— Не. Слишком она чудная, бредовая и жуткая. — Она качает головой.

Я пожимаю плечами. Сарина правда. «Баллада о двух сестрах» — это старинная народная песня, как можно догадаться, о двух сестрах. Они обе влюбляют-

¹ The Twa Sisters — англо-шотландская народная баллада. Известна с XVII века.

ся в одного парня, и одна другую топит в реке. Потом тело погибшей выносит на берег, там его находит юный менестрель и из костей мастерит арфу. Точнее — саму арфу из костей, а струны — из ее волос. Певец идет к родному дому несчастной. Однако там арфа из останков утопленницы способна играть лишь одну мелодию: «Прощай, отец мой дорогой».

Отец сыграл мне «Балладу о двух сестрах» в один из периодов душевных невзгод, когда все его песни окрашивались мрачными, тоскливыми тонами независимо от содержания. В такие времена папа так отдалялся от ярких красок и переливов блюграсса, как только может отдалиться человек со скрипкой в руке. Легко было представить себе, что это он лично загубил добрую сестру — так надрывно заливался его инструмент, так хрипло-печально лился голос:

Струна запела под рукой,
«Прощай, отец мой дорогой!»
Другая вторит ей струна,
«Прощай, мой друг!» — поет она¹.

Я разучивала «Балладу» много недель подряд, но исполнить ее, как отец, и сейчас не смогу. У меня все равно получается по-своему. Интонация выходит сладкозвучной и светлой, как я ни стараюсь ее углубить и «затемнить». И все равно эта песня меня не отпускает — как будто скрипка моя сама хочет играть только ее, и все тут.

Никогда не призналась бы кому-то, да и самой себе признаюсь с содроганием, но если бы мне подарили скрипку из папиных костей, я не отказалась бы. Приняла бы и *узнала* от нее все тайны, что он унес с собой,

¹ Перевод С. Маршака.

все печали его сердца. Думаю, это они делали его музыкой такой прекрасной.

— Никак не пойму, почему ты так упорно отвергаешь все *новое*. — Сара словно читает мои мысли.

— А я не пойму, почему ты отвергаешь все *хорошее*, — парирую я, вспыхнув.

Сара уже открывает рот, чтобы возразить, но тут же смыкает губы и упирает взгляд в колени. Так всегда: напускает на себя самый жесткий, властный вид, но под ним неизменно скрывается другая Сара — нежная, легкоранимая, которую первая так тщательно прячет. Мой укол оказался весьма болезненным.

Я не успеваю извиниться, она хватает банджо и гордо удаляется прочь через лес — только сосновые иголки из-под ступней разлетаются. Орландо со стоном воздвигается на ноги и удаляется следом за ней, оставляя меня наедине с деревьями. Как бы мне хотелось донести до Сары, как-то ей объяснить, что для меня значит игра на скрипке — а также что значила раньше и что никогда больше не будет.

Я понимаю: скрипка может дать мне путевку в другую жизнь — подальше от маминого тесного, переполненного трейлера, от шмоток с благотворительных базаров, от консервов и коробок с готовой дешевой едой. От воспоминаний, не дающих покоя ни днем, ни ночью. Но не ради этой возможности я играю. Вся история моей семьи; все, что мы потеряли, все наши скелеты в шкафах, все наши горести и печали — это самая подлинная часть моего естества и живое звучание *моей* музыки. Поэтому играть на Сарин манер — для меня все равно что топором рубить собственные корни.

Откуда-то из-за деревьев доносятся нежные и жизнерадостные ноты банджо. Сара затягивает песню Гил-

лиан Уэлч¹ — ту, что об Элвисе. Орландо подпевает голосом мощным и густым, как патока.

От этого мотива на меня накатывают томление и ностальгия — я вспоминаю, как мы трое впервые встретились в девятом классе. Сару перевели к нам из школы в другом округе, а Орландо переехал в Брайар-Спрингс из Майами прошлым летом. Через две недели мы уже стали закадычными друзьями, а спустя еще немного времени создали группу. Орландо был счастлив, когда понял, что блюграсс, любимый нами с Сарой, напоминает ему гуахиру² — это «кубинское кантри», которое он с детства играл вместе с дедом и дядьями. И он научил нас нескольким кубинским песням, а мы его — блюграссу и фолку. Мы стали друзьями благодаря музыке, но сейчас, похоже, она же нас разделяет. Если бы мы только могли вернуться к началу, снова играть вместе просто для развлечения, для удовольствия, смеяться полпесни напролет...

Я встаю и иду по звукам, будто по дорожке из хлебных крошек.

Они синхронно поднимают глаза, когда я подхожу к их полянке.

— То, что надо, — говорю я, отбрасывая все сомнения. — Это мы и сыграем на «Открытых микрофонах».

* * *

Сара с Орландо уходят домой, а я немного задерживаюсь в лесу. Солнце уже заходит, кругом тихо, глухо, тени от крон чернильными пятнами стелются по земле. Прохладный воздух напоен сладкими запахами ранней весны.

¹ Американская певица, автор и исполнитель собственных композиций в стиле кантри, фолк и блюграсс.

² Кубинский музыкальный стиль.

Поднимаю скрипку и вдыхаю покой, закрыв глаза, чтобы сосредоточиться. Где-то поблизости ухает виргинский филин¹ — словно мама ворчит и зовет меня за собой: мол, давай, что же ты остановилась?

Папа всегда говорил: сумерки идеально подходят для вызывания призраков, ведь это время промежуточное, переломное, когда граница между мирами становится тонкой, как папиросная бумага. Духам в такую пору очень одиноко. Эта скрипка дырочку не проделает даже в папиросной бумаге, но другой у меня нет.

На папину привидения слетались, как колибри на нектар. Моя лишь способна напоминать мне о том, чего во мне нет и никогда не будет. Смычок рассекает струны, горестный вопль летит в синюю тишь и пускает филина — тот ворохом перьев срывается с ветки где-то высоко у меня над головой, недовольно ухнув напоследок.

Я снова и снова исполняю от начала до конца «Двух сестер», представляю себя той, что утонула. Мир перед глазами словно заливают бурая речная вода. Потом играю «за» менестреля, «нахожу» труп девушки и «натягиваю» ее длинные пепельные волосы на корпус воображаемой арфы. Но мелодия выходит та же самая, такая же — грустная, светлая, тихая и спокойная, как река, омывшая бранные кости добела.

В конце концов даю песне затихнуть, и последние звуки поглощает кора худосочных сосен. Ночь обволакивает меня, воздух становится густым и липким. Цикады заводят свою мелодию с того момента, как стихла баллада. В кустах шуршат какие-то мелкие зверьки. Деревья вздыхают и стонут все горестней, все жалобней. Кажется, лес — это огромное ухо, которое вечно

¹ Птица из семейства совиных, повсеместно распространена в Северной и Южной Америке.

прислушивается и никогда не слышит того, чего ожидает, на что надеется. Может, скучает по папиной скрипке вместе со мной? А может, ждет, как я, когда прорежется его собственный голос?

Я поднимаю футляр, чтобы сунуть в него скрипку, и тут вдруг запоздалым эхом из-за деревьев доносится... обрывок музыкальной фразы — глубокая, чистая, полная скорби «тьень» от последней дуги моего смычка по струнам. Каждая мышца во мне, каждый нерв ждет теперь еще хоть ноты...

— Шейди! — От маминого трубного голоса из трейлера меня даже подбрасывает. — Ужинать!

Хлопает дверь. Я встряхиваюсь, как собака после купания, укладываю скрипку в футляр и направляюсь к дому. Назад — через темнеющую сиротливую рощу, назад — к маминому трейлеру, назад — к очагу жизни, разожженному нами среди пустоты, оставленной папиной смертью.